

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИЗАБЕТ
КЕЙ

СЕДЬМАЯ ЛОЖЬ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 33

Elizabeth Kay
SEVEN LIES

Copyright © 2020 by Elizabeth Kay
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

© И. А. Тетерина, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19490-8

*Бобу и Энн Гудсмит —
или, как я всегда их называла, папе и маме*

ЛОЖЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Вот так я и завоевал ее сердце, — заключил он с улыбкой и, откинувшись на спинку кресла, заложил руки за голову и потянулся.

Ходячее воплощение самодовольства.

Он посмотрел на меня, потом на идиота за моей спиной, затем опять перевел взгляд на меня. Явно ожидал от нас какой-то реакции. Хотел увидеть на наших лицах улыбки, почувствовать наше восхищение, наш восторг.

Я ненавидела его. Ненавидела всепоглощающей, жгучей, прямо-таки библейской ненавистью. Как ненавидела эту историю, которую он повторял каждую пятницу, когда я приходила на ужин. Не важно, кого я приводила с собой. Не важно, с каким дегенератом я в тот момент встречалась.

Он всем рассказывал эту историю.

Еще бы! Ведь речь шла, понимаете ли, о его главном жизненном достижении. Для такого мужчины, как Чарльз, — успешного, состоятельного, обаятельного — красивая, умная и блистательная женщина, подобная Марни, была чем-то вроде медали высшей пробы в его

коллекции. И поскольку чужое уважение и восхищение были необходимы ему как воздух, а от меня он ни того ни другого не получал, ему оставалось выжимать их из других гостей.

Меня каждый раз так и подмывало сказать в ответ (но, разумеется, я никогда этого не говорила), что у него пороку не хватит, чтобы завоевать сердце Марни. Сердце, если уж быть честной, а я наконец до этого дозрела, завоевать нельзя! Его можно только подарить и принять. Но ни в коем случае не похитить, не покорить, не разбить, не завладеть им, не украсть его, не приказывать ему что-то. И уж точно не завоевать.

— Сливки? — спросила Марни.

Она стояла у обеденного стола с белым керамическим кувшинчиком в руках. Волосы ее были склоты в аккуратный узел на затылке, выбившиеся локоны обрамляли лицо, цепочка перекрутилась, и подвеска оказалась рядом с застежкой в ложбинке между ключицами.

— Нет, спасибо, — покачала головой я.

— Тебе я и не предлагаю, — улыбнулась она в ответ. — Я же знаю твои вкусы.

Хочу кое-что сказать тебе, прежде чем мы начнем. Марни Грегори — самая яркая, впечатляющая, поразительная женщина из всех, кого я знаю. Она моя лучшая подруга вот уже восемнадцать с лишним лет — наши отношения официально достигли совершеннолетия, когда уже можно пить спиртное, вступать в брак и играть в азартные игры. Словом, мы подруги с того самого дня, как познакомились в школе.

Был первый учебный день, и все мы выстроились в длинном узком коридоре — вереница одиннадцатилетних ребяташек, по очереди подходивших к столу в дальнем конце холла. Некоторые сбивались в группы по несколько человек, как мыши внутри удава, нарушая упорядоченную цепочку.

Я нервничала, думая о том, что никого здесь не знаю, и морально готовилась провести большую часть следующих десяти лет в одиночестве. Разглядывая эти маленькие компании в коридоре, я пыталась убедить себя, что вовсе не хочу принадлежать к одной из них.

Поторопившись, я сделала слишком большой шаг вперед и наступила на пятки девочке, которая стояла передо мной. Она обернулась. Меня охватила паника; я была совершенно уверена, что сейчас раздастся крик и меня унизят и засмеют на глазах у будущих одноклассников. Но едва я увидела ее лицо, как от моего страха не осталось и следа. Знаю, это прозвучит смешно, но Марни Грегори похожа на солнце. Я сразу подумала об этом — такое сравнение нередко приходит мне в голову и сейчас. У нее ослепительная кожа, напоминающая сливочный фарфор. Щеки Марни лишь изредка окрашивает нежный розовый румянец — это бывает от физического напряжения или избытка веселья. Ее рыжие волосы выются яркими красно-золотыми спиралями, а глаза на удивление светлые, разбеленного голубого оттенка.

— Извини, — пробормотала я, отступая на шаг назад, и уставилась на свои новенькие блестящие туфельки.

— Меня зовут Марни, — сказала она, — а тебя как?

Эта первая встреча символизирует наши с ней отношения в целом. Марни обладает той открытостью, той манерой держаться, которая мгновенно располагает к ней. Она безоговорочно уверена в себе, бесстрашна и не задумывается ни о каких камнях за пазухой у окружающих. В отличие от меня. Я боюсь любого проявления враждебности и всегда жду того, что в конечном счете (мне это слишком хорошо известно) обязательно произойдет. Жду, что меня высмеют. В тот день я боялась, что предметом осуждения и насмешек станут мои прыщи на лбу, волосы мышиного цвета, школьная форма, которая была мне явно велика. Теперь переживаю из-за другого — это вечно дрожащий голос, одежда, выбранная мной исключительно с точки зрения удобства, а вовсе не потому, что она мне идет, кроссовки, прическа, обгрызенные ногти...

Марни — свет, в то время как я — тьма.

Я сразу же это поняла. Теперь ты тоже об этом знаешь.

Итак, подошла наша очередь, и сидевшая за столом учительница в голубой блузке рывкнула:

— Имя?

— Марни Грегори, — ответила моя новая знакомая твердым и уверенным тоном.

— Б... В... Г... Грегори. Марни. Тебе — в тот класс, с буквой «С» на двери. Теперь ты, — бросила она мне. — Ты у нас кто?

— Джейн, — пролепетала я.

Учительница оторвалась от списка, который лежал перед ней на столе, и закатила глаза.

— Ой, — спохватилась я. — Простите. Я Бакстер. Джейн Бакстер.

Учительница сверилась со списком:

— В том же классе. Тебе в ту дверь. С буквой «С».

Кто-то мог бы возразить, что наша дружба была продиктована обстоятельствами и что я ухватила бы за любого человека, проявившего ко мне мало-мальское участие, доброту, любовь. Вероятно, этот скептик оказался бы не так уж далек от истины. В таком случае можно считать, что встреча, а впоследствии дружба с Марни были предначертаны свыше, поскольку потом я тоже стала ей нужна.

Это кажется бредом, знаю. Возможно, это и есть бред. Но временами я могу в этом поклясться.

— Да, будьте добры, — сказал Стэнли. — Я с удовольствием выпью чая со сливками.

Стэнли был моложе меня на два года, однако же успел стать адвокатом с кучей всяких степеней. Светлые, почти белые волосы все время падали ему на глаза, а еще он постоянно ухмылялся, зачастую без особой причины. В отличие от большинства его сверстников, необходимость разговаривать с женщинами не вызывала у него немедленного приступа немоты, — видимо, сказывалось детство, проведенное в окружении сестер. Но в общем и целом он был невыносимо скучен.

Чарльз, судя по всему, наслаждался его обществом. Что ж, это было предсказуемо. И вызывало у меня еще большее отвращение к Стэнли.

Марни через стол передала ему сливочник, аккуратно придерживая блузку на животе. Не хотела, чтобы

тонкая ткань — думаю, это был шелк — задела фрукты в вазе.

— Еще что-нибудь? — спросила она, посмотрев сначала на Стэнли, затем на меня и в последнюю очередь на Чарльза.

На нем была рубашка в бело-голубую полоску; несколько верхних пуговиц он расстегнул, и в вырезе виднелся треугольник черных волос. Взгляд Марни на некоторое время задержался на нем. Чарльз покачал головой, и его галстук — который он развязал да так и оставил болтаться на шее — скользнул влево.

— Отлично, — произнесла Марни и, присев к столу, взяла десертную ложку.

В разговоре, как обычно, задавал тон Чарльз. Стэнли мог бы с ним потягаться и при каждом удобном случае вставлял рассказ о каком-нибудь своем успехе, но я скучала, и, думаю, Марни тоже. Мы обе откинулись на спинки кресел, потягивая остатки вина, и каждая была поглощена собственным мысленным диалогом.

В половине одиннадцатого Марни, по своему обыкновению, поднялась и произнесла:

— Так, ладно.

— Так, ладно, — эхом отозвалась я и тоже встала.

Она собрала со стола тарелки и примостила их на стиге левой руки. Розовая капелька сока вытекла из одинокой малинины, лежавшей на одной из тарелок, и запачкала белоснежный рукав блузки. Я взяла опустевшую вазу для фруктов — Марни сделала ее своими руками на каком-то мастер-классе по гончарному делу несколько лет назад, — захватила сливочник и последовала за подругой в кухню, расположенную в глубине квартиры.

Эта квартира — их квартира — была данью их отношениям. Платил за нее, как и за бóльшую часть остальных вещей, Чарльз — по настоянию Марни. Пожалуй, за все три года, прошедшие со дня их знакомства, это был единственный раз, когда Чарльз поступил наперекор себе: он был не из тех людей, что поддаются на уговоры. А вот Марни, напротив, могла без труда уговорить кого угодно на что угодно.

Когда они сюда переехали, это была настоящая конура: тесная, темная, грязная, сырая, расположенная на двух этажах и отчаянно нелюбимая. Но Марни всегда обладала провидческим даром: она способна разглядеть жемчужину там, где ее не увидел бы никто другой. Она умудряется заметить лучик надежды в беспросветном мраке — по мнению Марни, даже я не безнадежна, как это ни смешно, — и твердо верит в свою способность соорудить из ничего нечто потрясающее. Я всегда завидовала подобной уверенности в себе. В случае с Марни эта уверенность проистекает из упорства. Она не испытывает страха потерпеть фиаско, но не потому, что в ее жизни никогда не было неудач, а потому, что неудача для нее всегда была лишь временной заминкой, небольшим препятствием на пути, который так или иначе приводил ее к успеху.

Она трудилась как проклятая — по вечерам и выходным, во время отпуска, — чтобы сделать из этой квартиры конфетку. Своими маленькими ручками она отдирала старые обои, шурила двери, красила шкафы, укладывала полы, стелила ковровин, шила шторы — делала буквально все. До тех пор, пока эти стены не начали излучать то же тепло, что и она сама, ту же спокойную уверенность, безошибочно распознаваемое

и одновременно трудно поддающееся определению чувство дома.

Марни загрузила тарелки в посудомоечную машину, оставляя между ними большие промежутки.

— Так они лучше отмываются, — пояснила она.

— Я знаю, — отозвалась я, потому что она каждый раз говорила одно и то же. Потому что я каждый раз издавала один и тот же звук — негромкое фырканье. Потому что гонять полупустую машину казалось мне расточительством.

— У нас с Чарльзом все очень хорошо, — сказала она.

По спине у меня побежали мурашки, и я распрямилась, чувствуя, как в мои легкие врывается воздух.

До того мы обсуждали их отношения всего однажды, и это был разговор, отягощенный длинной и запутанной историей очень давней дружбы. С тех пор мы с Марни говорили на сугубо практические темы: об их планах на выходные, о доме, который они, возможно, в один прекрасный день купят подальше от Лондона, о матери Чарльза, умирающей медленной, мучительной и одинокой смертью от рака в Шотландии.

К примеру, мы ни разу не коснулись того обстоятельства, что они вместе уже три года и что несколькими месяцами ранее я неожиданно наткнулась в недрах прикроватной тумбочки Чарльза — да, я знаю, что мне не следовало совать туда нос! — на помолвочное кольцо с бриллиантом. Был оставлен без внимания и тот факт, что даже без этого злополучного кольца их совместный путь стремительно приближался к некой точке невозврата. Оба были готовы принять реше-

ние, которое свяжет их друг с другом навечно. И подобные узы — невзирая на дружбу почти двадцатилетней давности — нас с Марни не связывали никогда.

Не обсуждали мы и мою ненависть к Чарльзу.

— Угу, — выдавила я, потому что боялась, что возвращенное предложение, да и вообще любой неоднозначный ответ не оставит от нашей дружбы камня на камне.

— Что скажешь? — спросила Марни. — Думаешь, у нас хорошие перспективы?

Я кивнула и перелила остатки сливок из сливочника обратно в пластиковый контейнер из супермаркета.

— Как думаешь, мы ведь подходим друг другу, да?

Я открыла дверцу холодильника и, спрятавшись за ней, медленно — очень медленно — стала пристраивать контейнер со сливками на верхней полке.

— Джейн? — переспросила она.

— Да, — откликнулась я. — Думаю, да.

Это была первая неправда, которую я сказала Марни.

Теперь меня ежедневно мучает один вопрос: если бы я не солгала ей в самый первый раз, пришлось бы мне кривить душой и дальше? Я предпочитаю думать, что та первая ложь была самой незначительной из всех. Но ирония заключается в том, что это не так. Если бы в тот пятничный вечер я была честна с моей подругой, все могло бы быть — и было бы — по-другому.

Я хочу, чтобы ты это знала. Я полагала, что поступаю правильно. Старая дружба — как узловатая веревка, в одних местах истершаяся, в других — утол-

щенная, наподобие веретена. Я опасалась, что ниточка нашей любви окажется слишком тоненькой, слишком непрочной, чтобы выдержать груз моей правды. Потому что правда — которая заключалась в том, что я никогда и ни к кому не испытывала такой жгучей ненависти, как к Чарльзу, — без сомнения, разрушила бы нашу дружбу.

Если бы я была честна, если бы я пожертвовала нашей любовью ради их любви, он сейчас наверняка был бы жив.

ЛОЖЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что ж, вот она, моя правда. Не хочу впадать в излишний драматизм, но, думаю, ты имеешь право знать эту историю. Пожалуй, тебе даже нужно ее знать. Она принадлежит тебе ровно настолько же, насколько и мне.

Чарльз мертв, да, но это никогда не входило в мои намерения. По правде говоря, я была совершенно уверена, что он будет отравлять мне жизнь своим существованием до конца моих дней. Он принадлежал к числу людей того рода, которые подавляют тебя одним своим присутствием и заполняют собой все вокруг: самый громогласный, склонный к самым широким жестам, самый высокий, широкоплечий, сильный и лучший из всех в любой компании. Он был, если можно так выразиться, живее самой жизни, что сейчас, конечно же, воспринимается горькой иронией. И тем не менее, казалось, сам факт его существования служил подтверждением того, что Чарльз будет всегда.

Мои первые годы — и, полагаю, то же самое будет справедливо в отношении большинства людей — прошли под диктовку семьи. основополагающие решения,

определявшие мою повседневность, — где жить, с кем проводить время, даже как себя называть — принимала вовсе не я. Кукловодами, задававшими направление моей жизни, были мои родители.

Однако меня не ограничивали слишком жестко, и я сама могла выбирать, во что играть, с кем, где и когда. И с каждым годом мне давали все больше и больше свободы. Моя семья была для меня всем — до тех пор, пока не превратилась в фундамент, на котором я выстроила собственную личность. Открытие, что я совершенно отдельное от родителей существо, одновременно будоражило и немного пугало меня.

Но мне повезло. Я нашла родственную душу.

Вскоре мы с Марни стали неразлучны. Внешне у нас с ней не было ничего общего, и тем не менее учителя регулярно путали наши имена, потому что нас никогда не видели поодиночке. Мы сидели за одной партой на уроках, вместе прогуливались на переменах и даже домой из школы ездили на одном автобусе.

Надеюсь, что и тебе когда-нибудь доведется пережить подобный опыт. Ты оказываешься всецело во власти юношеской влюбленности и думаешь, что она будет длиться бесконечно, скрепленная новыми переживаниями и неизведанным доселе ощущением свободы. Когда в одиннадцать лет впервые в жизни обретаешь лучшую подругу, слегка теряешь голову. Как это прекрасно — быть кому-то необходимым и самому остро в ком-то нуждаться! Ты испытываешь пьянящее чувство полного взаимопроникновения. Но все эти юношеские привязанности недолговечны. И однажды ты решаешь выпутаться из уз дружбы и устремля-

ешься на поиски любви. Ты начинаешь мало-помалу, ниточка за ниточкой, косточка за косточкой, воспоминание за воспоминанием высвободиться из этих отношений и наконец становишься независимым и самостоятельным, хотя совсем недавно вы двое были единым целым.

Мы все еще были единым целым, Марни и я, когда после окончания университета переехали в Воксхолл и поселились вместе в небольшой квартирке. Она была современной и располагалась в новом многоквартирном доме, построенном не более чем десятилетие назад в окружении точно таких же домов с точно такими же квартирами за одинаковыми сосновыми дверями по обеим сторонам бесконечных коридоров, застеленных синим ковролином. Линолеум под дерево, гляцевый белый кухонный гарнитур, невыразительные бледно-розовые стены. Точечное освещение во всех комнатах, включая спальни, персиковый кафель на полу в ванной. Эта квартира почему-то казалась холодной, выставшей, но при этом в ней постоянно было слишком жарко. И тем не менее она стала нашим прибежищем в море слепящих огней и неумолчного шума многомиллионного города, где в то время мы обе чувствовали себя не в своей тарелке.

Тогда все было иначе. За завтраком мы обсуждали наши планы на день и распределяли обязанности: кто купит новый флакон шампуня, а кто — батарейки для пульта дистанционного управления и что-нибудь к ужину. Мы под руку выходили из дома, шли к метро и садились в один вагон. Мне было бы удобнее ехать в другом конце поезда, чтобы на станции сразу

же оказаться у нужного выхода, но наши жизни были так тесно переплетены, что расходиться по разным вагонам казалось нам абсурдом.

Мы торопились домой с работы, чтобы заполнить пробелы, которые успевали образоваться за день. Мы ставили чайник и включали духовку, смеялись над глупыми коллегами и плакали из-за ужасных совещаний. Мы были друг другу как сестры, жили бок о бок, все больше прикипая друг к другу, и все делили на двоих: пакет молока в холодильнике, кучу сваленных перед входной дверью туфель, книги, вперемежку расставленные по полкам, фотографии в рамках, расставленные по подоконникам. Наши жизни так тесно срослись, что любая трещинка, пусть даже самая крохотная, казалась немыслимой.

У нас было мало денег и мало свободного времени, и тем не менее раз в несколько недель мы совершали вылазку в какой-нибудь неизведанный уголок этого неизведанного мира, выбирались в бар или ресторан, открывая для себя город с новой стороны. Марни была фрилансером и постоянно искала, о чем бы написать. Она мечтала стать первооткрывательницей какого-нибудь ресторана, который впоследствии заработает мишленовскую звезду. Окончив университет, Марни пару месяцев проработала в маркетинговом отделе сети пабов, но вскоре решила заняться чем-то более творческим и перспективным. В общем, хотела выбрать дело по душе. И завела блог на тему еды: выкладывала в Интернет подборки информации, отзывы о ресторанах, а постепенно стала публиковать и собственные рецепты.

Так все это зарождалось, и, пожалуй, то были самые восхитительные времена. Очень скоро аудитория ее блога начала стремительно разрастаться. По просьбам подписчиков Марни стала снимать собственные кулинарные видеоролики. Одна из компаний, производящих профессиональное кухонное оборудование, предложила ей сотрудничество, и нашу квартиру заполнили чугунные кастрюли и сковородки, кокетливые пастельных оттенков и прочая кухонная утварь в таких количествах, которые нам двоим было не освоить за всю жизнь. Потом Марни пригласили вести регулярную колонку в газете. Но поначалу были только она и я: мы перелопачивали бесплатные журналы в поисках новых заведений, куда не мешало бы заглянуть.

Мне кажется, что, глядя на то, как двое вместе ужинают в ресторане, можно многое сказать об их отношениях. Мы с Марни любили наблюдать: вот рука об руку входят парочки, а вот гуляет теплая мужская компания, и господа в сшитых на заказ костюмах мало-помалу расслабляются, шумят все громче и в конце концов разбредаются кто куда; за тем столиком крутят роман, а тут отмечают юбилей, а у этих — первое свидание. Нам нравилось читать зал, словно книгу, строить догадки о прошлом и предрекать будущее других посетителей, рассказывая истории их жизни, которые, надеялись мы, могут обернуться правдой.

Если бы ты сидела за соседним столиком и играла в ту же самую игру, в свою очередь наблюдая за нами, то увидела бы двух молодых женщин: одна — высокая, с огненными кудрями, другая — темненькая и съезжившаяся, и, однако же, невзирая на несходство, обе пре-

красно ладят друг с другом. Думаю, для тебя не составило бы труда догадаться, что нас связывает крепкая дружба, которой не один год и которая, будь она деревом, имела бы раскидистые ветви и мощные корни. Ты увидела бы, как Марни — не задумываясь, не спрашивая разрешения, поскольку это было совершенно излишне, — протягивает руку, чтобы утащить с моей тарелки помидорку. А я в свой черед отправляю в рот кусочек корнишона или ломтик свежего огурца с ее тарелки.

И тем не менее за три года, прошедшие с тех пор, как Марни съехала с Чарльзом, мы с ней ни разу не ужинали вдвоем. Из наших отношений исчезла былая непринужденность. Наши миры больше не сплетены друг с другом. Теперь в истории ее жизни мне отведена роль гостьи. Наша дружба перестала быть отдельным самостоятельным явлением, выродившись в бородавку, вырост, существующий внутри другой любви.

Я не считала — и не считаю, — что любовь Чарльза и Марни превосходила по силе нашу. И тем не менее я отчетливо понимала, что их любовь — любовь романтическая — неминуемо поглотит нашу, потому что такова жизнь. И все же наша любовь, зародившаяся и расцветшая во время прогулок под руку по школьным коридорам, автобусных экскурсий и совместных ночевок, казалось, неизмеримо больше заслуживала того, чтобы продлиться всю жизнь.

Каждую пятницу, выходя из их квартиры около одиннадцати вечера, я вынуждена была раз за разом прощаться с любовью, которая сформировала, определила, выкристаллизовала меня. И каждый раз му-

чительно ощущать раздвоенность, любя по-прежнему и страдая от разлуки.

Но еще больнее было сознавать — хотя эта мысль до сих пор не до конца укладывается у меня в голове, — что вся ситуация была целиком и полностью делом моих рук. Я, и только я была ответственна за ту самую первую оборванную ниточку, ту первую переломанную косточку, то первое забытое воспоминание.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛОЖЬ ПЕРВАЯ	7
ЛОЖЬ ВТОРАЯ	19
ЛОЖЬ ТРЕТЬЯ	107
ЛОЖЬ ЧЕТВЕРТАЯ	179
ЛОЖЬ ПЯТАЯ	223
ЛОЖЬ ШЕСТАЯ	323
ЛОЖЬ СЕДЬМАЯ	389
ПРАВДА	429
ПОСЛЕ. <i>Четыре года спустя</i>	435

Кей Э.

К 33 Седьмая ложь : роман / Элизабет Кей ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-19490-8

Джейн и Марни с детских лет неразлучны. Они делят все на двоих. Им известны самые сокровенные тайны друг друга. Но Марни встречает Чарльза — и все меняется. Потому что Джейн сразу, или почти сразу чувствует ненависть к нему, такому успешному, лощеному, самодовольному, умеющему и желающему нравиться всем... кроме нее самой. И когда Марни спрашивает, как ее подруга относится к Чарльзу, та решается на свою первую, ма-аленькую и вполне невинную, ложь. В конце концов, даже лучшие друзья держат кое-что при себе. Но если бы Джейн была честна, то, возможно, мужу ее подруги повезло бы чуть больше... Ибо первая ложь никогда не бывает последней. Это только начало. Она приводит к другой лжи, а та — к следующей, и эта цепочка неумолимо растет, приводя к сокрушительному финалу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ СЕДЬМАЯ ЛОЖЬ

Редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.04.2021. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-28247-01-R